

На правах рукописи

Кошелева Мария Владимировна

**ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ:
СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Йошкар-Ола – 2025

Работа выполнена на кафедре прибалтийско-финской филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Петрозаводский государственный университет».

Научный руководитель: **Муллерен Ирма Ивановна**
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Цыпанов Евгений Александрович**
доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом языка, литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (г. Сыктывкар)

Муслимов Мехмед Закирович
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языков народов Российской Федерации федерального государственного бюджетного учреждения науки Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (г. Саранск)

Защита состоится 25 апреля 2025 года в 10.00 на заседании диссертационного совета 24.2.325.01, созданного на базе ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», по адресу: 424002, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, д. 44 (учебно-лабораторный корпус), каб. 216, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Р. Г. Пановой ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 71) и на сайте https://marsu.ru/science/research_infrastructure/dissertation

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е. Г. Тонкова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа «Именные формы глагола в вепском языке: становление и функционирование» посвящена изучению истории образования и анализу формальных, функционально-синтаксических и семантических особенностей именных форм глагола (инфинитивов и причастий) в вепском языке в его литературном и диалектных вариантах.

Вепский язык, являясь языком малочисленного народа, требует комплексного исследования для его возрождения и сохранения. **Актуальность** темы диссертации обусловлена, в первую очередь, недостаточной изученностью именных глагольных форм в вепском языке. Данная работа вводит в научный оборот новые материалы, а также восполняет пробелы, имеющиеся в исследовании истории показателей названных форм и описании синтаксиса вепского языка. Оно имеет прямой выход в практику языкового строительства, разработки нормативной грамматики, а также обучения вепскому языку.

Целью исследования является описание именных форм глагола (инфинитивов и причастий) в вепском языке с точки зрения их образования и исторического становления, места и роли в структуре предложения. **Объектом** исследования выступили именные формы глагола, представленные в трех диалектах, а также в нормированном варианте вепского языка. **Предметом** исследования являются особенности их образования, синтаксические функции и семантическая роль в предложении.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- провести инвентаризацию инфинитивных и причастных форм в диалектах вепского языка с выявлением именных и глагольных признаков;
- выявить описанные ранее основные положения, касающиеся исследования именных форм глагола в вепском языке;
- реконструировать историю образования вепских глагольных основ и установить зависимость фонетического облика грамматического показателя от типа основы;
- систематизировать и классифицировать вепские языковые материалы с использованием инфинитивов и причастий по диалектному, синтаксическому и функциональному принципу;

- установить особенности образования и функционирования именных форм глагола в диалектах вепского языка, а также в его литературном варианте и провести их сопоставительный анализ;

- охарактеризовать специфику синтаксических и семантических ролей инфинитивов и причастий в вепском языке;

- проанализировать случаи употребления инфинитивов и причастий в диалектах вепского языка и его литературном варианте с целью выделения наиболее продуктивных конструкций и определения характерных для каждого диалекта особенностей их функционирования;

- выявить следы иноязычного (русского, карельского, финского) языкового влияния на формирование и функционирование инфинитных форм в отдельных диалектах и литературной норме языка.

Степень изученности темы. В отличие от вепских финитных глагольных форм, именные формы не получили должного комплексного научного освещения. Усилиями финских и российских исследователей установлен их инвентарь и выделены показатели (Л. Кеттунен 1943; Э. А. Тункело 1946; М. Хямляйнен 1966; М. И. Зайцева 1981; Р. Грюнталь 2015). Отдельные фонетические процессы, происходившие на границе основы и инфинитивного или причастного показателей, описаны в фундаментальной исторической фонетике вепского языка Э. А. Тункело (1946). Более детально рассмотрены форма II причастия актива в связи с ее использованием в образовании форм перфекта и плюсквамперфекта (Н. Г. Зайцева 2002), а также диалектное варьирование показателя формы 2. активного причастия множественного числа и показателей пассивного причастия (Н. Г. Зайцева 2016; Лингвистический атлас вепского языка 2019).

Некоторая информация о синтаксических особенностях инфинитных форм в связи с описанием синтаксического строя вепского языка предложена Л. Кеттуненом (1943), позднее М. И. Зайцевой (2001) на материале одного из восточных вепских говоров. На материале другого говора – языка сибирских вепсов – проанализировано использование инфинитивов для выражения временных, целевых и изъяснительных отношений (Г. П. Иванова 2014).

Теоретической и методологической основой работы послужили труды российских и финских исследователей в области прибалтийско-финского языкознания. Для описания фонетических особенностей вепских именных форм глагола, которое базируется на традиционном описательном

и сравнительно-историческом методе, основой послужило исследование Э. А. Тункело (1946). Грамматическая система вепских инфинитных форм описана в работах М. И. Зайцевой (1981) и Н. Г. Зайцевой (2002) на базе метода компонентного анализа. Сравнительно-сопоставительный метод исследования синтаксического строя вепского языка лежит в основе труда Л. Кеттунена (1943).

Для исследования привлекались также работы, анализирующие образование и функционирование именных форм глагола в родственных карельском (Е. Л. Адель 1998; П. М. Зайков 2000; Л. Ф. Маркианова 1985; И. П. Новак 2019; А. Сархимаа 1990, В. П. Федотова 1990;) и финском (З. М. Дубровина 2016; Ф. Карлссон 1976) языках, а также исследования по феннистике (ISK 2008; П. Саукконен 1965; 1966; Л. Хакулинен 1979).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые комплексному исследованию подвергаются вепские именные формы глагола. Выявляются исторические основания образования фонетических вариантов показателей инфинитных форм. В ходе исследования рассматриваются особенности их функционирования в предложении, что позволяет уточнить и расширить представление о синтаксической структуре вепского языка. Проведен анализ генезиса современной системы типов вепских глагольных основ, который позволил четко реконструировать историю становления современного облика начальной формы вепских глаголов. В научный оборот введен значительный объем новых материалов по вепской диалектологии.

Теоретическая и практическая значимость работы. Понимание механизмов происходивших процессов и на праязыковом уровне, и в период самостоятельного формирования вепских диалектов необходимо как для теоретического прибалтийско-финского языкознания, так и для практики преподавания. Теоретическое и практическое значение имеет выявление исторических оснований распределения глаголов вепского языка по типам.

Научная разработка вепских именных форм способна восполнить пробел, существующий сейчас в прибалтийско-финском языкознании. Теоретическая значимость заключается в научном анализе принципиально важного для структуры прибалтийско-финских языков класса инфинитивов и причастий, которые составляют неотъемлемую часть вепской грамматической системы. Проведенный анализ позволяет обозначить, с одной стороны, единые истоки вепских инфинитивов и причастий и именных форм глагола других прибалтийско-финских языков, с другой –

выявить специфику и генезис этих форм. Исследование существенно для последующих изысканий в области вепсского синтаксиса. Теоретическая новизна заключается также и в изучении того, как проявляют себя анализируемые структуры в процессе активного русского языкового воздействия и как в результате этого влияния видоизменяются их синтаксические функции.

Полученные результаты найдут применение при исследовании соответствующих структур в других финно-угорских языках и их диалектах. Материалы и результаты исследования могут быть использованы для разработки нормированного вепсского языка, а также в создании учебных пособий и рабочих программ по грамматике и синтаксису вепсского языка для учебных заведений, где ведется его преподавание.

Методология и методы исследования. В процессе работы над диссертацией применялись традиционные методы лингвистических исследований. Исследование основано на комплексном подходе, включающем использование грамматического и синтаксического анализа. На уровне синхронного изучения явлений был применен традиционный описательный метод, сопровождающийся категориальным анализом. Он позволил выявить и первично классифицировать именные формы глаголов в вепсском языке. Параллельно привлекался метод компонентного анализа. Широкое применение в работе получили сравнительный и сравнительно-сопоставительный методы, которые использовались для выявления особенностей вепсского синтаксиса на внутриязыковом (вепсские диалекты и говоры) и межязыковом (прибалтийско-финские языки, русский язык) уровнях. Методы лексикографического, корпусного и синтагматического анализа позволили определить семантические роли инфинитивов и причастий в вепсском языке.

Данные Открытого корпуса вепсского и карельского языков (ВепКар) позволили провести количественный и качественный анализ употребления инфинитивов и причастий в реальных языковых контекстах. Также для сбора материала применялся полевой метод исследования, включающий в себя интервью с языковыми носителями. Составленный для полевых выездов опросник помог дополнить статистику, демонстрирующую частотность использования в речи тех или иных именных форм глагола, и найти новые случаи их употребления. Кроме того, при создании эмпирической базы исследования были использованы опубликованные

ранее образцы вепсской речи, собранные отечественными и финскими учеными.

Положения, выносимые на защиту:

1. Вепсская система именных форм глагола включает три формы инфинитива: I или *-da*-инфинитив, II или *-de*-инфинитив, III или *-ta*-инфинитив, а также три формы причастия: 1. причастие актива с показателем *-i*, 2. причастие актива с показателем *-mi* и пассивное причастие с показателем *-tud*. В соответствии с общей прибалтийско-финской системой они совмещают в себе функции глагола и имени как на уровне морфологии, так и синтаксиса.

2. Для анализа фонетической структуры инфинитных форм исключительную роль играет тип словообразовательной глагольной основы. Между типом основы и структурой грамматического показателя исторически существовала прямая связь, сгладившаяся со временем. Синхронная система из трех типов вепсских глагольных основ сложилась исторически из двух – гласной и согласной. Своеобразие вепсской системы на фоне других прибалтийско-финских систем основано на двух существенных общевепсских фонетических инновациях: синкопе гласного второго слога и нивелировке альтернации взрывных согласных.

3. История показателей восходит к периоду прибалтийско-финского языкового единства. В ходе самостоятельного развития вепсского языка происходило преобразование облика формантов, вызванное фонетическими изменениями, действием аналогии, переразложением в морфемном составе.

4. Основные грамматические признаки вепсских инфинитивов и причастий эквивалентны соответствующим свойствам данных структур в родственных языках. Однако в ходе исторического развития, с одной стороны, оказались утраченными некоторые инфинитные формы или сузились их словоизменительные параметры. С другой стороны, оформились определенные синтаксические функции, несвойственные соответствующим формам в других прибалтийско-финских языках.

5. В ходе тесного языкового вепско-русского взаимодействия и распространения двуязычия у вепсов конструкции с инфинитивами и причастиями в отдельных функциях сблизились с соответствующими русскими синтаксическими структурами.

6. Вепсские диалекты обнаруживают значительную близость в образовании и функционировании инфинитных форм. Младописьменный

вепский язык опирается на диалектные данные, при этом он испытывает определенное влияние со стороны синтаксиса русского и финского языков.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения, выдвинутые в диссертационной работе, были представлены на российских и международных конференциях и семинарах, таких как: 68-я и 69-я Всероссийская (с международным участием) научная конференция обучающихся и молодых ученых ПетрГУ (г. Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет, 2016, 2017); научная конференция «Бубриховские чтения: Карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур» (г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2016); научная конференция «Бубриховские чтения: Текст в финно-угорском языковом и социокультурном пространстве» (г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2018); научная конференция «Бубриховские чтения: Задокументированное народное слово» (г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2020); «Бубриховские чтения: языки и культуры в эпоху цифровизации» (г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2022); Международная научно-практическая конференция «Притяжение Севера: язык, литература, социум» (г. Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет, 2018); Семинар для молодых ученых в области финно-угроведения (г. Эспоо, Финляндия, 2018); Международная научная конференция, посвященная дню Микаэля Агриколы (г. Нарва, Эстония, Нарвский колледж Тартуского университета, 2017, 2021); Всероссийская конференция «Арктика и Север глазами ученых: результаты экспедиционной деятельности» (г. Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет, 2022); Научно-практическая конференция «Аспекты сохранения культурного наследия финно-угорского мира» (г. Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2023).

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности ВАК. Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России по следующим пунктам: 1. История русского литературного языка, другого языка России; 2. Изучение истории развития и функционирования русского языка, другого языка России; 6. Грамматический строй русского языка, другого языка России.

Структура диссертации. Диссертация включает в себя введение, основное содержание, изложенное в трех главах, заключение, библиографический список, перечень сокращений и приложение. Общий объем диссертации составляет 192 страницы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются выбор темы, ее актуальность, формулируются цели, задачи, определяется научная новизна работы, а также ее практическая и теоретическая значимость. Описываются использованные методология и методы исследования.

Глава 1 «Именные формы глагола в вепском языковом и исследовательском контексте» состоит из четырех разделов. В ней дается описание вепского языка с точки зрения его развития и современного положения, представлены анализ и классификация языковых материалов, используемых в работе, дана справка об истории изучения инфинитивов и причастий в вепском языке. В главе представлено описание теоретических и методологических основ исследования.

В разделе 1.1 «Вепский язык: от диалектов к письменной норме» дается описание диалектной системы вепского языка, истории создания и становления его письменности. Вепский язык входит в северную группу прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи и разделяется на три диалекта (северный, средний и южный), распространенные в межозерье Онежского, Ладожского и Белого озер и демонстрирующие значительное единство. Все вепские говоры испытали существенное русское языковое влияние, а северный содержит еще и четкие следы карельских контактов.

Первый опыт создания вепской письменности в 1930-х гг. в силу политического контекста не увенчался успехом. Новый этап становления младописьменного вепского языка, длящийся около 30 лет, привел к появлению вепской интеллигенции, которая владеет вепским литературным языком и использует младописьменную норму произношения и правописания. В настоящее время младописьменная норма сосуществует с диалектными вариантами вепской речи, и этот опыт требует теоретического осмысления.

В разделе 1.2 «Вепские языковые материалы» представлен обзор используемых в работе вепских языковых источников. Введение вепских

диалектных материалов в исследовательский оборот началось в середине XIX в. Благодаря работе нескольких экспедиций финских исследователей (Л. Кеттунен, Э. Н. Сетяля, Ю. Кала, А. Совиярви, Р. Пелтола) в конце XIX – начале XX вв. были собраны и изданы образцы речи из всех трех вепских диалектных ареалов (северный, средний, южный), в том числе и из исчезнувших уже поселений. В середине XX в. центр вепских исследований переместился в Карелию. Обширный материал был собран в 1960–70-е гг. в ходе работы над «Словарем вепского языка». На его основе подготовлен и издан сборник «Образцов вепской речи» (М. И. Зайцева, М. И. Муллонен 1969), а также появившиеся позднее фольклорные издания «Вепские народные сказки» (сост. Н. Ф. Онегина, М. И. Зайцева 1992) и сборник причитаний (сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова 2012). Они включают тексты на всех трех вепских диалектах.

В свою очередь, основной источник вепского младописьменного материала – это СМИ на вепском языке (газета «Kodima» (Родная земля) и литературный журнал «Verez Tullei» (Свежий ветер)), художественные и публицистические произведения, переводы эпоса «Калевала», а также Библии и других религиозных текстов.

В настоящее время главным хранилищем вепских языковых материалов является Открытый корпус вепского и карельского языков, (ВепКар), создающийся в ИЯЛИ КарНЦ РАН с 2010-х гг. и насчитывающий в настоящее время около 350 диалектных текстов на вепском языке. Помимо изданных источников он включает также расшифровки полевых диалектных записей.

В разделе 1.3 «История исследования именных форм глагола в вепском языке» показано, что инфинитивы и причастия не становились объектом специального анализа. Однако отдельные аспекты поднимались в работах предшественников. Установлены некоторые фонетические закономерности, существенные для формирования облика инфинитных показателей и правил присоединения их к основам (Э. А. Тункело 1946). Предложена синхронная классификация глагольных основ (Н. Г. Зайцева 2002). Описаны варианты суффиксов I инфинитива возвратных глаголов, продемонстрировано диалектное варьирование показателя формы 2. активного причастия множественного числа, описаны варианты показателей пассивного причастия (Н. Г. Зайцева 2016, Лингвистический атлас вепского языка 2019).

Инфинитные глагольные формы кратко представлены в работах по вепсскому синтаксису Л. Кеттунена (1943), М. И. Зайцевой (2001), Р. Грюнталя (2015). Основная уязвимость этих описаний в том, что они либо построены по модели (или, по крайней мере, близки к модели) русского синтаксиса, либо используют модель описания синтаксиса литературного финского языка.

В разделе 1.4 «Именные формы глагола в вепсском языке: теоретические и методологические основы исследования» дается обзор грамматических особенностей инфинитивов и причастий в вепсском языке, которые представляют собой важную часть его морфологической системы. Рассматривается наличие трех форм инфинитивов (I, II, III) и трех видов причастий (2 активных и пассивное), выделяются особенности вепсских инфинитивных форм на фоне прибалтийско-финских.

Подчеркивается способность инфинитивов и причастий выполнять разные синтаксические функции в предложении: от предиката до объекта, адverbиала и атрибута. Используется структурный подход, в основе которого лежит анализ валентных связей между главным словом и зависимыми элементами, что позволяет выявить особенности функционирования инфинитивов и причастий в именных конструкциях. Рассматриваются специфические синтаксические функции инфинитивов и причастий в составе глагольных конструкций, что важным образом влияет на грамматическую и семантическую структуру вепсского языка. В качестве дополнения вводится концепция функциональной грамматики, анализирующей инфинитивы и причастия не только с синтаксической, но и с семантической точки зрения: инфинитивы и причастия рассматриваются в составе синтаксических конструкций с учетом их валентных связей с главными словами. Так, например, форма I инфинитива может выполнять в предложении сразу несколько синтаксических функций, что зависит от семантики используемых в связке с инфинитивом лексем.

Глава 2 «Образование и синтаксические функции инфинитивов в вепсском языке» состоит из шести разделов. В ней выявляются механизмы и фонетические условия формирования вариантов показателей инфинитивов. Дана подробная характеристика синтаксических функций и семантических ролей трех инфинитивов вепсского языка, а также краткая характеристика формы так называемого *mine*-инфинитива. Выявлены свойственные вепсскому языку особенности функционирования

инфинитивов и следы влияния на их структуру родственных (карельского, финского) и соседствующих языков (русского).

В разделе 2.1 «Образование формы I инфинитива» анализируются механизмы и фонетические условия формирования вариантов показателей I инфинитива в вепском языке. Реконструирована история образования современных типов глагольных основ в вепском языке и доказано, что за ними стоит длительная история, включающая как праязыковой, так и собственно вепский этап, на котором принципиально важную роль сыграл закон выпадения конечных гласных, сопровождавшийся стяжением основ. В результате исторически одноосновные глаголы с гласной основой частично сохранились, частично же – сообразуясь с синкопой конечного гласного – перешли в разряд двухосновных. В исторически же двухосновных глаголах, в которых инфинитивный показатель присоединялся к согласной основе, произошло своего рода опрощение, стяжение с образованием так называемой вепской краткой основы синхронной классификации. С точки зрения представленного в разделе диахронного подхода инфинитивы можно разделить на следующие группы:

1) Гласная основа + *-da*, восходящий к историческому праприбалтийско-финскому **-ta*, который по законам праязыкового чередования ступеней согласных ослабевал в закрытом слоге. Одноосновность, присущая глаголам этой группы в современном языке, исторически сложилась еще на праязыковом уровне и сохраняется в других прибалтийско-финских языках: например, *sula-da* (вепс.) и *sula-a* (фин.) ‘таять’, *luge-da* (вепс.) и *luke-a* (фин.) ‘читать’, *sanu-da* (вепс.) и *sano-a* (фин.) ‘сказать’.

2) Согласная основа + *-ta / -da*. Разделение глаголов с праязыковым **-da* на две группы (*-ta / -da*) сложилось после того, как в вепском языке произошло выпадение гласного второго слога, если первый слог был исторически долгим или закрытым. Глухость / звонкость показателя определяется качеством последнего согласного звука основы: *ost-ta* < **osta+da+k* ‘покупать’, *nagr-da* < **nagra+da+k* ‘смеяться’. Некоторые исключения (напр. *ombelta* ‘шить’) объясняются аналогией, источником которой являются инфинитивы с закономерным *-ta* после конечного звонкого согласного основы (**kumarta+ta+k* > *kumartʹak* > *kumarta* ‘наклонять’).

3) Краткая гласная основа + *-ta*. Исторически эти глаголы являются двухосновными стяженными глаголами. Глухой вариант

показателя *-ta* сохраняет в себе историческое наследие согласной основы. В результате выпадения последнего гласного из основы еще на праязыковом этапе на стыке основы и показателя инфинитива образовалась гемината, закономерно ослабевавшая в ситуации закрытого слога: *tabata* ‘ловить, поймать’ < **tapata+ta+k* > **taβat+ta+k* > **taβatˀtak*. Глаголы этой группы образуют в вепском языке несколько подгрупп, выделяющихся по признаку суффикса, оформляющего глагольный корень: **-i(ta): -iče-**: *kerita – keriče-b* ‘стричь’; **-oi(ta): -oiče-**: *kirjoita – kirjoiče-b* ‘пестреть’; **-a(ta): -ada-**: *tabata – tabada-n* ‘поймать’; **-ai(ta): -aida-**: *čiraita – čiraida-b* ‘шипеть’; **-eta: -eda-**: *rubeta – rubeda-n* ‘торопливо что-то делать’; **-a(ta): -ande-**: *elegata – elegande-n* ‘начать жить’; **-e(ta): -enda-**: *tosketa – toskenda-b* ‘носить’; **-a(ta): -anda-**: *ohjata – ohjanda-b* ‘руководить’; **-e(ta): -ene-**: *pideta – pidene-b* ‘удлиняться’.

В разделе 2.2 «Особенности функционирования I инфинитива» анализируются синтаксические и семантические функции I инфинитива в вепском языке. В предложении I инфинитив выполняет функцию объекта, субъекта, адвербиала и атрибута. Кроме того, I инфинитив является частью предиката в составе колоративной конструкции в связке с дескриптивным глаголом:

1) В качестве субъекта действия I инфинитив выступает в конструкциях:

- *om hüvä tehta* ‘хорошо делать что-л’: *Lujas om jüged kaita nese kel* ‘Очень **трудно сохранять** этот язык’; *Hüvä oli eläda, kaik vessou, em väznu* ‘**Хорошо было жить**, всё весело, не уставали’; *Touvuui om löumei tehta hougod* ‘Зимой **трудно** дрова **заготавливать**’.

- долженствования с глаголом *tarbiž / pidab* ‘нужно’: *Kenenke pidab pagišta?* ‘С кем **нужно поговорить**?’; *Konz lüpsan lehmän, tariž hänenke pagišta* ‘Когда дою корову, **нужно** с ней **разговаривать**’.

В диалектах довольно часто представлено последовательное выпадение глагола-связки *om*, вызванное влиянием русского языка, в котором связующий глагол часто бывает выражен нулевой связкой, см. рус. *мне холодно*: *Urus künnta hond ani* ‘В овраге очень **плохо пахать**’; *Midak sileš kirjutada?* ‘Что тебе **(нужно)** **написать**?’.

2) I инфинитив в вепском языке выступает в качестве адвербиала, выражая причину, намерение или цель действия основного финитного глагола. Главным словом в адвербиальной конструкции является финитный глагол, часто имеющий при себе объект: *Potom tod’he školaha diafil’m*

ozutada ‘Потом **принесли** в школу диафильм (чтобы) **показать**’. Нередко в качестве адвербиала I инфинитив выступает в составе придаточной части сложноподчиненного предложения с подчинительным финальным союзом *miše* ‘чтобы’: *Onged tarbiž ezmäi tacta kaikihe polihe, mišo tedištada, kus om kala* ‘Удочку нужно сначала **бросить** во все стороны, **чтобы** **узнать**, где рыба’. В диалектах союз *miše* часто опущен. Отмечены случаи использования I инфинитива вместо иллативной формы III инфинитива со значением направления действия: *Käuda kül’betiš pestas* ‘**Сходить** в бане **помыться**’.

3) I инфинитив выступает в роли атрибута; в качестве главного (определяемого) слова употребляется существительное в номинативе или партитиве, а форма инфинитива характеризует это существительное с точки зрения его действия. Часто в ряду существительных встречаются такие лексемы, как *affat* ‘охота’ (в знач. ‘желание’), *aig* ‘время’, *taht* ‘желание’, *mel’* ‘мысль’: *Iilä offot ištta, iilä offot gul’aida* ‘Нет **охоты сидеть**, нет **охоты гулять**’; *Ka naida tegihe mel’* ‘Да **жениться** захотелось’ (букв. ‘**жениться** появилось **настроение**’).

4) Функционирование I инфинитива в качестве объекта связано с употреблением различного рода модальных глаголов, которые можно разделить по группам в зависимости от их семантики: глаголы начинания или окончания действия (*zavodida* ‘начинать’, *prikatida* ‘прекращать’, *lopta* ‘заканчивать’), глаголы, обозначающие мысли, идеи, решения, чувства, намерения (*meletada (dumaida)* ‘думать’, *ladida (rešiiida)* ‘решить’, *armastada* ‘любить’), глаголы, передающие способность что-то делать (*voida* ‘мочь’, *sada* ‘разрешать’, *mahtta* ‘уметь, мочь’), глаголы, обозначающие разрешение, просьбу, помощь (*pakita* ‘просить’, *küzuda* ‘спрашивать’, *abutada* ‘помогать’): *Siloi zavodim mö rata* ‘Тогда **начали** мы **работать**’; *Mahtoi vüta balalaikal* ‘Он **умел играть** на балалайке’; *Ed abutand tehtä milen’ pertid* ‘Ты **не помог построить** мне дом’.

5) I инфинитив является частью предиката в конструкции с нейтральным глаголом, выражающим то или иное действие, и дескриптивным, колоративным или звукоподражательным глаголом, выражающим то же действие, но с более яркой его характеристикой: *Virzule peskud paned da jorotad pesta lagen* ‘В лапоть песок положишь и **натираешь** (*jorotada* ‘натирать’ + *pesta* ‘мыть’) пол’; *Laučaižed pläskaidam valada da ninga i gätam-ki* ‘Скамеечки **обливаем** (*pläskaita* ‘плеснуть’ + *valada* ‘лить’) и так оставляем’.

В разделе 2.3 «Особенности образования и функционирования формы II инфинитива» установлено, что в образовании формы II инфинитива решающую роль имеет характер основы (гласная или согласная), который отвечает за дистрибуцию глухого и звонкого вариантов грамматического показателя формы *-te* / *-de*. Праязыковой показатель **-te*, который подвергся чередованию **-te* : **-de*, восходит к показателю I инфинитива. Установлено, что звонкий формант *-da* в позиции после гласной основы (*luge-da*) или дистрибуцию *-ta* / *-da* после согласной основы можно связать с воздействием звонкого или глухого окружения, а глухой формант *-ta* в звонком окружении в глаголах с краткой гласной основой (*paime-ta*) является наследием исторической геминаты, сформированной конечным *-t*-согласной основы и элементом *-t*-показателя *-ta*. Иначе говоря, здесь действуют установленные для I инфинитива правила.

В разделе выявлено, что II инфинитив имеет две падежные формы: инессивную с показателем *-tes* / *-des* и двумя значениями – цели, или финальным (*Silaš kel' om sanudes* ‘У тебя язык есть, чтобы сказать’), и одновременности действия, или темпоральным (*Živatan pästtos ala sano* “*mi, ni, mäno hotkemba*” ‘Когда животное выпускаешь, не говори “ну, ну, иди скорее”’), и инструктивную с показателем *-ten* / *-den* и адвербиальным значением образа действия (*Kondi kuzhe libub pöruden* ‘Медведь забирается на ель **вращаясь**’). Установлено, что финальное значение является специфически вепским. Наблюдается вытеснение инструктивной формы II инфинитива инессивной формой под влиянием русского деепричастного оборота.

В разделе 2.4 «Образование формы III инфинитива» установлено, что показатель *-ma-* (по генезису суффикс отглагольных имен) в силу своей фонетической структуры не вызывает фонетической нестабильности на границе морфем. При этом он присоединяется к гласной основе как одноосновных (*luge-ma-s* при *luge-da* ‘читать’), так и исторически двухосновных (*paime-ma-s* при *paime-ta* ‘пасти’) глаголов. Исключение на прибалтийско-финском фоне составляют исторически одноосновные глаголы, которые перешли в вепском в двухосновные в силу правила вепской синкопы. В них во всех трех инфинитивах представлена согласная основа: *joks-ta* ‘бежать’, *joks-te-s*, *joks-ma-s*.

III инфинитив выступает в пяти падежах – трех внутренне-местных (инессив (*-mas*), иллатив (*-m(a)ha*), элатив (*-maspäi*)), в абессиве (*-mata*) и крайне редко адессиве (*-mal*).

В разделе 2.5 «Особенности функционирования III инфинитива» рассмотрены случаи функционирования четырех наиболее употребительных форм III инфинитива: инессивной, иллативной, элативной и абессивной. Выявлено, что форма III инфинитива в конструкции в связке с финитным глаголом выполняет адвербиальную функцию:

1) Иллативная форма III инфинитива, выступая в связке с финитными глаголами движения и перемены положения *mānda* 'идти', *lāhtta* 'отправляться', *astta* 'шагать', *tulda* 'приходить', *ajada* 'ехать' или глаголы со значением 'брать, относить, давать': *veda* 'нести', *toda* 'приносить', *jāda* 'оставаться', *otta* 'брать', *antta* 'давать', *panda* 'класть', *oigeta* 'отправлять' и отвечая на вопрос *куда?*, выражает направление или цель действия: *Tuliba kacmaha, ka soudat magadab* 'Пошли посмотреть, а солдат спит'. Показано сходство синтаксических функций иллативной формы III инфинитива с формой I инфинитива, а в некоторых случаях одновременное их использование, что обусловлено тесными вепско-русскими контактами.

2) Инессивная форма III инфинитива преимущественно употребляется в составе инфинитивной конструкции в связке с такими глаголами состояния, как *olda* 'быть', *seišta* 'стоять', *išta* 'сидеть', *kāvuda* 'ходить', *nāhta* 'видеть' и т. д. Действие, передаваемое инфинитивным глаголом, происходит в момент действия, выражаемого основным финитным глаголом: *Mina olin siga satmas* 'Я была там провожала' (букв. 'в моменте провожания'); *A kodid nāhmäs mā olin* 'А я за домом смотрел' (букв. 'был в моменте осмотра дома').

3) Элативная форма используется для обозначения действия, которое завершается субъектом, буквально – из совершения которого «субъект выходит». В конструкциях, выражающих прекращение или завершение действия, элативная форма III инфинитива употребляется в связке с финитными глаголами движения *tulda* 'прийти', *lāhtta* 'отправиться', *pageta* 'сбежать' и глаголами *heitta* 'бросить, перестать', *pučtas* 'отказываться': *Tuli ak lüpsmaspäi* 'Пришла женщина с дойки коровы'; *Veneh hillästi heiti pörumaspäi* 'Лодка потихоньку перестала вертеться'.

4) Абессивная форма III инфинитива является достаточно продуктивной в вепском языке и выполняет адвербиальную функцию, обозначая способ действия. Чаще всего она выражает действие, без которого происходит основное действие, представленное глаголами *olda*

‘быть’, *jāda* ‘оставаться’, *ištta* ‘сидеть’, *elāda* ‘жить’, *kävelta* ‘ходить’, *astta* ‘шагать’ и пр.: *Rugiž om vñ tapmata* ‘Рождё ещё **не обмолочена**’; *A rahvaz seižui kubahtamata* ‘А народ **стоял не двигаясь**’. Результатом русского влияния в младописьменном языке является значительное распирение абессивной формы III инфинитива и использование ее для передачи значения русского предлога *несмотря на*.

Раздел 2.6 «Историческая форма *mine*-инфинитива» посвящен исследованию формы *mine*-инфинитива в вепском языке. Установлено, что в современной грамматике вепского языка она не выделяется как отдельная форма инфинитива, а рассматривается как отглагольное существительное. Анализируются две падежные формы *mine*-инфинитива, которые выражают необходимость или отсутствие необходимости совершения действия: *om tapmine* ‘есть что (нужно) молотить / *ei ole tapmišt* ‘ничего молотить’. Важной особенностью этой формы является ее способность образовывать синтаксические предикативные конструкции со значением долженствования в связке с глаголом *olda* в форме 3. л. ед. ч., который зачастую опускается: *Muga i radmiine* ‘Так и **надо работать**’. Редко форма *mine*-инфинитива выполняет атрибутивную функцию: *Tämbei om radmine päiv* ‘Сегодня **рабочий** день (когда надо работать)’; *Joksendamine aig* ‘Время **для бега** (когда нужно бегать)’.

Глава 3 «Причастие в вепском языке» посвящена особенностям образования и функционирования причастий в вепском языке. Проводится сравнительный анализ синтаксических функций и семантических особенностей причастий вепского языка с функциями причастий в родственном финском и соседствующем русском языке.

В разделе 3.1 «Грамматическая природа причастий» рассматривается категориальный статус вепских причастий посредством анализа их глагольно-именных признаков. Основная глагольная особенность причастий заключается в том, что они обладают категорией залога (активное и пассивное причастие), выражают действие по его завершенности / незавершенности и связывают время действия, которое выражают, со временем действия, называемого основным глаголом в предложении, обладают возможностью иметь при себе объект, на который направлено действие глагола, выраженного причастием: *Pert’he tuli lehmän lüpsnu ak* ‘В дом зашла **подоившая корову** женщина’. Именная суть причастия проявляется в способности определять действие, производимое

субъектом, выполняя при этом атрибутивную функцию, которая наряду с предикативной является основной синтаксической функцией причастия: *Viliktunuden leiban söt ka jumalan jurud ed varaada* ‘Заплесневевший хлеб съешь – грозы не будешь бояться’.

В разделе 3.2 «Показатель *i*-причастия: выбор между двумя именными суффиксами» дается обзор генетических истоков показателей 1. активного причастия и доказывается именная суть данного разряда причастий. В современном вепском языке активно используется показатель *-i*, истоки которого восходят к финно-угорскому именному суффиксу отглагольных имен **-ja*. В диалектных формах вепского языка можно встретить редкие следы бытования форм с показателем *-b*, истоки которого восходят к суффиксу **-pa*. Оба суффикса образовывали наименование субъекта действия от глагольных основ. Сделан вывод о двойственной природе причастий на морфологическом уровне.

В разделе 3.3 «Особенности функционирования активного *i*-причастия» установлено, что основной функцией 1. активного причастия является атрибутивная. Оно выражает признак незаконченного действия и подобно имени прилагательному в предложении выступает в роли определения, согласуемого с определяемым словом: *Ota kehd'ad vet* ‘Возьми кипящую воду’; *Konz murhaažed lendlejad lendlobat kogol, siloo i joršid järves kogole keradasoo* ‘Когда муравьи летающие летают кучкой, тогда и ерши в озере в стаю собираются’. Часто формы с показателем *-i* используются как субстантивированные причастия, то есть в качестве имени существительного: они выступают в предложении в роли субъекта (*Siričimänijad kacuiba meihe* ‘Прохожие смотрели на нас’), объекта действия (*En nägend necidä tetabad kirjailijad* ‘Я не видел этого известного писателя’), адвербиала (*Hän tegihe karguiden ohjandajaks da tegijaks* ‘Он стал режиссером и постановщиком танцев’). Показано, что в живой вепской речи придаточные предложения берут верх над причастными конструкциями, что свидетельствует о разрушении традиционных для прибалтийско-финского синтаксиса причастных конструкций, вызванном давними и прочными русскими языковыми связями: *Möst se hebõne i putü, kudamb magadab teverõ* ‘Снова та лошадка и попалась, которая спит у обочины’.

В разделе 3.4 «Показатели активного *ni*-причастия» раскрывается генезис показателя причастия *-ni* (< **-nut*), в составе которого вычленяется словообразовательный прибалтийско-финский суффикс отглагольных имен

(**-na* + **-ut*). В вепсских говорах в ходе исторического развития из прибалтийско-финского показателя был утрачен финальный согласный звук: **-nut* > *-ni*, который, однако, реконструируется при склонении: *kehunudel vedel* ‘кипяченой водой’. Характер типа глагольной основы влияет на дальнейший облик причастной формы. Показатель второго активного причастия *-ni* присоединяется к гласной основе одноосновных глаголов: *varastami* ‘ждавший’, в глаголах с двумя гласными основами к краткой гласной или исторической согласной основе: *lūkāinu* ‘ударивший’, *valinu* ‘выбравший’, *segoinu* ‘заблудший’. В младописьменной норме в некоторых случаях (*-i(ta)*: *-iče-*, *-ai(ta)*: *-aida-*, *-e(ta)*: *-enda-*) отмечается вариант присоединения показателя *-ni* к долгому варианту гласной основы (*valiče-ni* вместо *vali-ni* ‘выбравший’, *paimenda-ni* вместо *paimē-ni* ‘пасший’), что является следствием возможной языковой ошибки, которая вызвана существованием варианта причастного показателя *-nd*, особенность которого заключается в свойстве присоединяться к долгому варианту гласной основы у исторически двухосновных глаголов (*valiče-nd*, *paimenda-nd*). В синхронных двухосновных глаголах показатель выступает следом за согласной основой: *tulni* ‘пришедший’, *noľni* ‘лизнувший’, *kāskni* ‘приказавший’.

В разделе 3.5 «Особенности функционирования активного *ni*-причастия» установлено, что 2. активное *ni*-причастие выполняет функцию определения, указывая на завершенность выраженного им действия, а также может выступать в качестве семантического основного глагола, выполняя предикативную функцию. Действие, выраженное *ni*-причастием, всегда происходит до действия, выраженного основным глаголом, то есть в прошлом. 2. активное *ni*-причастие выступает в предложении в роли атрибута, находясь преимущественно в препозиции и согласовании по числу и падежу с определяемым им именем, например: *Ištiin ištīin iknanno, murenuden st’oklanno* ‘Я сидела, сидела у окна, у разбитого стекла’, *Jäl’gmäine, mi jäi muštho, oliba heiden pöl’gästunuded modod* ‘Последнее, что запомнилось, были их испуганные лица’. Показано единообразие употребления 2. активного причастия наряду с другими причастными формами по диалектным ареалам за исключением некоторых фонетических особенностей показателей.

В разделе 3.6 «Генезис и модификации показателя пассивного причастия» отмечено, что показатель пассивного причастия *-tud* имеет праязыковые истоки и включает три составных элемента: суффикс пассива

-*t*-, элемент *-u-*, восходящий к историческому суффиксу производителя действия (*maks: maksu-* ‘плата’ ← *maksta* ‘платить’), и конечный *-d*, являющийся, видимо, наследием партитивной формы, переосмысленной в номинативную.

Бытование в праязыке двух вариантов пассивного показателя: долгого **-tta* и краткого **-ta*, из которых долгий присоединялся к гласной, а краткий к согласной основе, – продолжается в вепском языке с той оговоркой, что в последнем исторический долгий показатель **-tta* слился с кратким **-ta* в силу отсутствия в вепском геминат. Вепская же дистрибуция *-tud* / *-dud* в причастиях, образованных от глаголов, на конце которых в инфинитиве выступает элемент *-tada* (*abutada* ‘помогать’, *samuda* ‘говорить’, *toda* ‘приносить’), – это отражение исторического противостояния **-tu* / **-ttu*. Показателем пассивного причастия в вепском языке является формант *-tud*, а звонкий вариант *-dud* – это отголосок исторического состояния или результат фонетической ассимиляции. История показателя пассивного причастия *-tud* отсылает, с одной стороны, к очевидному глагольному генезису, выраженному показателем пассива, а с другой – к именному, поскольку в качестве строительного элемента использован суффикс отглагольных имен *-u-* и, очевидно, показатель партитива *-d*.

В разделе 3.7 «Особенности функционирования пассивного причастия» показано, что наряду со вторым активным причастием пассивное или *tud*-причастие в большей степени выражает глагольность, указывая на уже произошедшее действие. Основная черта *tud*-причастия – его пассивность: агент действия, выражаемого причастием, неизвестен (*Nece čaptud mec ahavoičese* ‘Этот **срубленный лес** проветривается’; *Se vou sobatam paštetud olan’d* ‘Это еще в субботу **испеченная оладья**’). Наряду с активными формами причастия *tud*-причастие выполняет атрибутивную и предикативную функции.

Отдельно описывается ранее не освещенная в отечественных исследованиях агентная роль пассивного причастия. Конструкция образована при помощи пассивного *tud*-причастия, выражающего действие агента, который представлен существительным или заменяющим его прилагательным, местоимением или субстантивированным причастием в форме адессива: *Händikahau los’ oli todut* ‘Волком лось был **принесен**’; *Minä olin oigetud tatal opendushe omblijaks* ‘Я был **отправлен отцом** учиться

на портного'. Такая вепская конструкция, видимо, строится по русскоязычной модели *им было сделано*.

В разделе 3.8 «Причастия как часть аналитических форм» причастные формы рассмотрены с точки зрения их функционирования в составе аналитических временных конструкций отрицательного имперфекта, а также перфекта и плюсквамперфекта.

Отрицательная форма имперфекта или простого прошедшего времени образуется с помощью отрицательного вспомогательного глагола *ei* (семантически соответствует русской частице 'не') в лично-числовой форме и причастной формы основного смыслового глагола: *En nāhnu, ken raccast' siriči* 'Я не видел, кто проскакал на лошади мимо'. В зависимости от ареала употребления причастные показатели выступают в разных обликах (*-nd* в нормированном языке, некоторых средневепских и южновепских говорах; пассивный вариант *-tud* в северновепских и редко в восточных говорах).

В конструкции со вспомогательным глаголом *olda* 'быть' в лично-числовых формах презенса *tu*-причастие образует форму перфекта: *Mikš d'augad oled lujas uppotanu maha?* 'Почему ногами ты сильно **утонул** (букв. 'есть утонувший') в землю?'. Форма плюсквамперфекта образуется аналогичным образом, за исключением формы вспомогательного глагола *olda* 'быть', который выступает в данном случае в прошедшем времени: *Tat oli sil aigou ajanu heinha* 'Отец в то время **уехал** (букв. 'был уехавший') за сеном'. Отмечается частое опущение вспомогательного глагола *olda* в диалектах, особенно в западном средневепском и южновепском. Наблюдается смешанное употребление активных и пассивных глагольных временных форм.

В заключении подводятся итоги исследования и сформулированы основные его выводы, определены дальнейшие перспективы работы.

В проведенном исследовании впервые был осуществлен комплексный анализ вепских инфинитных форм с точки зрения их образования и функционирования. Выявлены три этапа в их сложении: прибалтийско-финский, собственно вепский и младописьменный. Показано, что названные формы отличаются значительным диалектным единством. В современном облике показателей отразились особенности развития вепской фонетической системы (2-й этап), а в синтаксических функциях – значительное русское языковое влияние (2-й и 3-й этапы).

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

*Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах,
входящих в перечень ВАК:*

1. Кошелева, М. В. Особенности функционирования I инфинитива в вепском языке на основе материалов Открытого корпуса вепского и карельского языков / М. В. Кошелева // Финно-угорский мир. – 2023. – Т. 15. – № 4. – С. 408–420 (1,24 п.л.).
2. Кошелева, М. В. Инфинитивные конструкции с семантикой направления движения в вепском языке / М. В. Кошелева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43. – № 7. – С. 71–77 (1,03 п.л.).
3. Кошелева, М. В. Синтаксические функции инессивной формы II инфинитива в вепском языке: динамика развития / М. В. Кошелева // Финно-угорский мир. – 2020. – Т. 12. – № 3. – С. 242–249 (0,78 п.л.).
4. Кошелева, М. В. Показатели причастия в вепском языке: между именем и глаголом / М. В. Кошелева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12. – № 2. – С. 19–28 (0,76 п.л.).
5. Кошелева, М. В. Форма I. инфинитива прибалтийско-финских «стяженных» глаголов в вепском языке / М. В. Кошелева, И. И. Муллонен // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2017. – № 3 (164). – С. 92–96 (0,66 / 0,33 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

6. Кошелева, М. В. Пассивное причастие в вепском языке: особенности функционирования / М. В. Кошелева // Аспекты сохранения культурного наследия финно-угорского мира: сб. статей по материалам науч.-практ. конф. / СГУ им. Питирима Сорокина; под ред. Н. Н. Новиковой. – Сыктывкар, 2023. – С. 23–27 (0,3 п.л.).
7. Кошелева, М. В. Синтаксические функции инструктивной формы II инфинитива в вепском языке [Электронный ресурс] / М. В. Кошелева // Филологические исследования. – 2020. – Т. 12. URL: <http://academy.petsu.ru/journal/article.php?id=3783> (0,51 п.л.).
8. Кошелева, М. В. Tehta или tehma: дистрибуция синтаксических ролей I и III инфинитивов в вепском языке [Электронный ресурс] / М. В. Кошелева // Бубриховские чтения: задокументированное

народное слово: материалы Всерос. науч. конф. (с межд. участием) / под ред. И. П. Новак. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. – С. 46–50. URL: <http://press.petrso.ru/UNIPRESS/UNIPRESS.html> (0,49 п.л.).

9. Кошелева, М. В. Синтаксические функции I инфинитива в вепском языке [Электронный ресурс] / М. В. Кошелева // Притяжение Севера: язык, литература, социум: материалы I Межд. науч.-практ. конф. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. – С. 338–343. URL: <http://elibrary.petrso.ru/books/31397> (0,39 п.л.).

10. Кошелева, М. В. Дистрибуция показателей *-ta/-da* в I инфинитиве вепских двухосновных глаголов [Электронный ресурс] / М. В. Кошелева // Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур: материалы науч. конф. / ИЯЛИ КарНЦ РАН; под ред. Н. Г. Зайцевой. – Петрозаводск, 2016. – С. 111–115. URL: <http://elibrary.petrso.ru/books/27635> (0,43 п.л.).

Кошелева Мария Владимировна

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ:
СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 21.02.2025. Формат 60х84 1/16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Изд. № 20

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33